

О конкурсном произведении 63. «Соловки».

Конкурсное произведение 63. " [Соловки](#) "

*

Среди белужьих косяков
идёт «Василий Косяков».
На нём паломник и турист
глядят на море сверху вниз.
А море дышит: вдох – и фух.
Маяк зажётся и потух.
А век зажётся и горел.
Этап, Секирная, расстрел.

Когда приходит пароход,
двоих с него тотчас в расход.
А ты на жёрдочке сиди.
Падёшь – пригреют на груди
седые божьи старики.

По именам их нареки:
Савватий, Герман и Зосима.

А рвы распахнуты на зиму.
Теперь до оттепели здесь
лежи, с других сбивая спесь.
А там, глядишь, зароят
под Чудовой горою.
И вырастет из босых ног
черничник и косматый мох.

*

Разбудит благовест. То тихо, то набатно
качают звук поморские ветра.
У Царской пристани толпятся катера,
везут на Анзер и везут обратно.

В посёлке благостно. Копчёная треска
по 200 рэ за среднюю рыбёху.
Селёдку малосольную неплохо
мы сторговали тут у рыбака.

Неспешно всё. А что, на Божий суд
успеется. Живи себе в охотку.
К Преображенью патриарха ждут,
и мужики вовсю скупают водку.

*

Когда глядишь на облака,
нет расстояний меж веками.
Скроены стены на века,
а может, взрощены из камня.

И причащаешься суровой
скупой нешумной чистоты.
И бродят сонные коровы
и любопытные коты,

и чайки кормятся с руки...
Меня не удивляет, в общем,
что произносит Soul-love-ки
какой-то иностранец тощий.

*

Автор: Мысли вслух
27.12.2019 07:27

Вода в ручьях темна
и, словно кровь, густа.
Шевелится у дна
ржавелая листва.

И вверх ногами в ней
дрожат среди камней
малина у моста
и маковка скита.

*

А вот где жизнь назло берёт своё
у каменного холода и глины:
цветёт шиповник, тянутся люпины
и прочее заморское быльё.

Таблички там, таблички тут. Иду,
куда ведёт натоптанная тропка...
Мне больше всех растений в ботсаду
запомнилась тупая кровохлёбка.

*

Белое море и белый песок.
Белый туман по-над белой обителью.
Белобородый языческий бог
смотрит с иконы глазами Спасителя.

Лето не лето, зима на носу.
Клонятся травы к земле покаянно.
Крикнет белуха на дальнем мысу —
и тишина.
И расстрельные ямы.

Имя автора произведения будет объявлено в Итоговом протоколе конкурса 31 декабря 2019 года в 23:59 по Москве.

Вот стихотворение, сделавшее, на мой взгляд, лицо нынешнего конкурса, Кубка Поэзии 2019.

Есть еще яркие стихи, их много, но «Соловки» на полкорпуса впереди. Я бы даже

сказала – на полтора, это ближе к моему внутреннему ощущению, но пусть уж останется дипломатическое пол-.

Чем же оно так прекрасно? Помимо того что написано внятным русским языком; что вызывает эмоциональный отклик, не прибегая к запрещённым приёмам – ни к дешёвым, ни к «дорогим»; что избранная автором манера (чуть отстранённая, репортажная интонация, достаточно плотная, но не избыточная образность, блокнотная «пэчворковость» заметок) идеально сочетается с темой прогулки по Соловкам, вообще по любому *такому* месту.

О художественных достоинствах в комментариях уже говорили – они весомы и несомненны. Но, вот интересно, является ли художественным достоинством такая черта текста: он как бы собрал в себе, аккумулировал, выпуклым увеличивающим зеркалом отразил продёрнутые сквозь «поле конкурса» лучи конфликта между двумя принципиально разными взглядами на историю. И не только на нее. Извиняюсь за громоздкость и вычурность формулировки, но проще выразить не смогла.

На историю (и на личность в истории, великую и не очень) направляли свои оптики очень разные тексты: стихи-лорнеты, стихи-экранчики-гаджетов, стихи-снайперские-прицелы, стихи-панорамные-окна, стихи-эндоскопы и наверняка еще какие-нибудь оригинальные и экзотические стихоприборчики, всех не перечислить и не рассортировать, тем более не имея на руках распечаток Юли Малыгиной.

Вокруг стихов на историко-политические темы бурлили споры, по градусу накала сравнимые разве что со стихами на темы морально-этические (границы частной жизни «великой личности»; ее и твое место в некой «иерархии»; кто и кого имеет право «судить»).

Волнует история – и точно так же волнует человек с его тварным дрожанием и мерцающей правотой, которая то есть, то нет. История в высшей степени антропоморфна, страсти по ней сопоставимы с самыми мощными и острыми человеческими страстями: любовь, ненависть, жажда справедливости, сострадание, эмпатия, отторжение чуждых представлений о добре и зле – да и о самой реальности – на каком-то порой даже физиологическом уровне.

И вот среди этой кипени достаточно агрессивных поэтик, обличений и горечей, ироний и сарказмов, сшибок и разлетаний вдребезги конфликтных мировоззрений, представленных в стихах (и в комментариях к ним) – идёт «Василий Косяков». В смысле, идут «Соловки». Флагман историко-политического косяка текстов, самый важный крупняк в стопке распечаток под меткой «историяшечки».

И при этом – парадокс! – среди всех конкурсных текстов *про это* «Соловки» – самый НЕ политический. Не аполитичный, а именно НЕ политический.

Это вообще, по большому счету, стихотворение о любви. Но если вам кажется, что сказать так, «о любви», это сказать ни о чем, то ладно, ок, скажу по-другому: это стихотворение ботаническое. Историко-ботаническое, для справедливости уточню.

Флора «Соловков» уникальна: это симбиоз двух органик – растительной и той, что остаётся от человека. Они так плотно спаяны, что не за чем отделять одно от другого. «И вырастет из босых ног // черничник и косматый мох». «Вода в ручьях темна // и, словно кровь, густа». Человек, когда не приравнен к гумусу, приравнен к корове или к какой-нибудь курице: «А ты на жёрдочке сиди. // Падёшь – пригреют на груди // Седые божьи старики». Жёрдочка – известная по мемуарам и документалистике (и по прозе Солженицына, да-да) пытка, применяемая в Соловецких лагерях (и не только в них): «сажали человека спать на "жёрдочке" – узкой перекладине, держась за приделанные сверху лямки». Падёшь – не в смысле упадёшь, а как скот, как корова падёшь. В месяце декабре в Соловецком лагере был большой падёж эзков.

Всё это рассказывает туристу-лиргерою «экскурсовод», по сути, еще один лирический герой стихотворения. А лг-турист знай крутит головой, «таблички там, таблички тут», делая в блокноте свои пометки. Это я к тому, что разоблачительский пафос некоторых комментаторов («Стихотворение порождено тур.поездкой на Соловки и ничем больше!») выглядит глуповато: автор и не скрывает, что он приехал «как турист», зевака, и пребывает на острове на одних правах с «иностранцем тощим», которой произносит «Soul love ки», что, кстати, делает его еще одним, третьим, лир.героем стихотворения... но это уже так, лирика.

Впрочем, тут всё – лирика. Эта лирика тиха той тихостью, которая повыразительней будет шумных, фонтанирующих, «спекулирующих» и «манипулирующих» стихов на тему истории. Тиха и, пожалуй, женска. Придёт ли в голову мужчине, пусть даже поэту, примечать какие-то там люпины, вообще так много внимания уделять растительности?

Есть, конечно, и чисто мужской пассаж – про водку...

Фифти-фифти, в общем, по гендерным признакам. Но таки по признакам манипуляции на политике – нуль к ста в пользу автора. Нет ее там, всё чисто!

А вот он, ближе к концу, апофеоз этой тихой «ботанической» лирики: «Мне среди всех растений в ботсаду // Запомнилась тупая *кровохлёбка*». То самое бесценное наблюдение, то самое место, о котором можно сказать: здесь жизнь превзошла литературу! И можно добавить: а автор это увидел и привнёс в стихи!

Две бесспорные, выдающиеся удачи – Soul love ки и эта поразительная тупая кровохлёбка, действительно растущая на Соловках, а не в фантазии автора, – может ли хоть еще одно стихотворение конкурса похвастаться чем-то подобным? Но, впрочем, ладно, это уже так... скорее о технике и таланте.